

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПОСЛЕДНЯЯ
БЕЛЛЕТРИСТИКА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Последняя беллетристика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25904197

Аннотация

«В „Вестнике Европы“ все благополучно. Все стоит на месте. Январские „belles-lettres“ начинаются, конечно, г. Боборыкиным – его рассказом „Закон жизни“. Кому случалось наблюдать газетного интервьюера „в деле“, тот, конечно, замечал, что на „маститого писателя“ или даже тенора, „любимца публики“, обращается этим „совопросником“ мало внимания: интервьюер мучительно напряжен уловлением отдельных словечек, занят мыслью о том, запомнит ли он их, запомнит ли, где стоит стул у сегодняшнего любимца, и как он, интервьюер, завтра обо всем этом напишет. Прежде всего – он!..»

Зинаида Гиппиус

Последняя беллетристика

В «Вестнике Европы» все благополучно. Все стоит на месте. Январские «belles-lettres»¹ начинаются, конечно, г. Боборыкиным – его рассказом «Закон жизни». Кому случилось наблюдать газетного интервьюера «в деле», тот, конечно, замечал, что на «маститого писателя» или даже тенера, «любимца публики», обращается этим «совопросником» мало внимания: интервьюер мучительно напряжен уловлением отдельных словечек, занят мыслью о том, запомнит ли он их, запомнит ли, где стоит стул у сегодняшнего любимца, и как он, интервьюер, завтра обо всем этом напишет. Прежде всего – он!

Таким интервьюером кажется мне г. Боборыкин. Он не наблюдает жизнь: он ее вечно интервьюирует, и даже – лишь один сегодняшний день жизни. Для самого интервьюера нет ни малейшего интереса в интересе дня. Ему совершенно все равно, писать ли о Некрасове, о реформах женской одежды, о предсказаниях Демчинского. Талант интервьюера – его умение услышать вовремя, о чем всего более говорят. Г. Боборыкин – интервьюер талантливый. В прошлом году в столичных кружках замечался подъем интереса к вопросам идеалистическим, религиозным, в связи с толстовством

¹ Художественная литература (фр.).

и сектантством, не забывали недавнего «декадентства», – и в «Вестнике Европы» тотчас же появился роман г. Боборыкина «Исповедники», сплошь трактующий о вере, неверии, исканиях и сектах. Впрочем, жена «ищущего веры» интеллигента была декадентка «с Апокалипсисом». Заслышал г. Боборыкин, что где-то заговорили о браке, о поле, о семье, о детях... И он поспешно пишет «Закон жизни» и рассказывает, как двое любящих супругов сначала оба ни за что не хотели иметь детей, а потом когда все-таки родился ребенок, то мать поняла, что это «закон жизни» и полюбила ребенка, а отец ничего не понял и не полюбил. Что хотел этим сказать г. Боборыкин – неизвестно; но для интервьюера важно не что он говорит, а лишь о чем. Важно схватить здесь, там... если сюжет требует – можно съездить взглянуть на живого раскольника, – и повесть готова, самая современная. Но что-то случилось с читателями; они устали от неумимого интервьюера жизни и от его немножко старомодных фельетонов, которые он выдает за «искусство». Г. Боборыкин пишет, все пишет, – а его не читают. И менее всего читают те, кто интересуется современными вопросами. А потому довольно о г. Боборыкине. Поговорим о другом «беллетристе», тоже старом, не в пример более крупном и глубоким, уважаемом и неизвестном – о г. Альбове. Насколько легок, словно весенний мотылек, г. Боборыкин, – настолько неподвижен этот громадный черный камень – г. Альбов. Он лежит давно. Помнится, он начал писать раньше Гаршина и

сразу занял почетное место в литературе. К сожалению, его имя, по какой-то роковой случайности, сплелось с именем г. Баранцевича, и это последнее стало бросать на него веселый отблеск своего ничтожества. В январской книге «Мира Божьего» находим повесть г. Альбова «Глафирина тайна». Это продолжение его же «Тоски», напечатанной лет восемь тому назад в «Северном вестнике». Автор спокойно начинает свое повествование с того момента, на котором он его прервал. Та же «тоска», те же образы, тот же стиль, яркий – тяжело-выпуклый, хорошего старого типа; те же мысли. Прошло восемь лет: в жизни, в сердцах людей, в искусстве многое рушилось, создано вновь, преобразилось, – и все восемь лет прошли мимо г. Альбова, как будто он просидел все время один в петербургской мебелированной комнате с запертыми дверями и даже форточками. Годы – мгновения для него – пролетели: и вот талант г. Альбова опять проявился – совершенно так же, совершенно тот же. Он слишком крупен, конечно, чтобы собирать пыль современности, подобно г. Боборыкину, – но, как знать, не слишком ли он мал, чтобы сметь быть неподвижным?

Что касается общей массы читателей, – то прежде «тоска» г. Альбова еще трогала ее, но и то слегка: она будила ответное чувство тоски, а это чувство неприятно, – и Альбова не любили. Теперешние, самые новые беллетристы умеют вызывать со дна души человеческой нечто, ей тоже сродное, но тайное и сладкое – прежде как будто стыдное, теперь как

будто почетное и гордое. Стало позволено упиваться «сладким», и можно даже самообманываться, думая, что ведь это, в сущности, «бичеванье порока». И вот всякая «тоска» забыта для веселого веселья «бывших» людей и упоительных «бездн». Г. Андреев, московский беллетрист, – несомненно, самое яркое светило в новооткрытом «созвездии Большого Максима». Это созвездие, как явление, очень важно и знаменательно. Но пока я коснусь только г. Андреева и его последней повести «В тумане», напечатанной в декабрьской книжке «Журнала для всех». В этом литературном «омнибусе», где даже г. Бальмонт, после некоторого стихотворного колебания, решает быть «как все», – г. Андреев и компания свили, по-видимому, прочное гнездо. И г. Андреев рассказывает «всем» о гимназисте, который сначала рисовал неприличные картинки, потом заразился нехорошей болезнью и, наконец, пошел к проститутке и убил ее, «всаживая нож с налипшим на него хлебом» в живот, «который при этом надувался, как пузырь», а гимназист его «протыкал». Яркость описаний и сила рассказа только подчеркивают характерную особенность его и всех вообще последних произведений писателя. Г. Андреев не владеет ни своим замыслом, ни чертами подробностей в рассказах – он, начиная писать, делается их рабом. Та, если хотите, бескорыстная, любовь к грязи, зародыш которой живет почти в каждом человеке, – в г. Андрееве и его произведениях достигла пышного, едва ли не болезненного развития. Он как будто сидит на краю дороги после

осеннего дождя, медленно забирает рукой жидкую грязь и, сжимая пальцы, любит, как она чмокает и ползет вниз. В этом нет ничего, кроме властно покоряющего, своеобразного наслаждения: это обратный, но тоже беспримесный, – эстетизм. Напрасно хотят навязать г. Андрееву какие-то мысли, тенденцию, мораль: он «чистый» художник. И напрасно думают восхищенные им, что они восхищены силою, с которой изображен «презренный порок» и «возмутительные» условия жизни. Ничего этого нет. Они просто смотрят, как чмокает грязь между пальцами, как упоен ею сидящий при дороге, – и понемногу заражаются этим упоением, потому что все к нему склонны. Это и есть та сладость, тайная и действительно страшная, которая прежде была забиваема и скрывается, а теперь, так или иначе, сделалась дозволенной.

Ничто в теле человеческом не может быть доведено до большей святости, чем пол, – зато ничто нельзя и превратить в более страшную грязь, чем пол. И последние искания «чистой» грязи г. Андреев обращает именно в сторону пола. Студент, насилюющий девушку после трех босяков в «Бездне», создан лишь для утоления этой мучительной жажды последних пределов мерзости – жажды, томящей г. Андреева и понемногу просыпающейся в его читателях. Не одному гимназисту помог гимназист из «Тумана» гордо открыть в себе источник тайного, сладкого ужаса.

Мы знаем, как судили раба, который зарыл данный ему талант в землю. Как будут судить этого нового раба, г. Ан-

дерева, вечно кидающего дар Божий – в грязь?